

4.06.94.

Ленков Евгений

Андрей Гончаров

Женя Леонов — особая, неповторимая страница моей жизни. Его кончину я пережил очень тяжело. Впрочем, разве я один?..

Редко встречаются актеры, один взгляд на которых заставляет забыть обо всех окружающих. Так было со мной при первой нашей встрече.

1943 год. Я уже руководил фронтowym театром и был привлечен к преподаванию в ГИТИСе и в Московском театральном училище. Мы что-то репетировали с молодыми актерами. Вдруг открылась дверь и вошел человек. Пухлый, улыбающийся блондин с роскошной шевелюрой. Это был Женя. Я взглянул на него и в тот же миг понял, что крепко попался. Это был тот самый случай, когда человек вошел, и уже — спасибо, и ты уже улыбаешься, лоснишься от счастья, точно блин на сковородке. Ибо человек этот излучает какие-то мощные флюиды. Одним словом, я тотчас же позабыл, что в комнате находятся еще десять человек, и каких — Л. Горелик, впоследствии известный эстрадный артист, В. Горелов, который потом замечательно работал в Московском тюзее... Но Женя был ни с кем не сравним. Так было всегда, на протяжении всей нашей с ним работы. Меня тянуло на репетиции с ним, будто влюбленного на свидание. Я был раз и навсегда пленен его обаянием, покoren его удивительной органикой. Мы поставили с ним какой-то русский водевиль, затем выпускной студийный спектакль «Недоросль», где он играл Митрофанушку так сочно, так смешно, что забыть это невозможно.

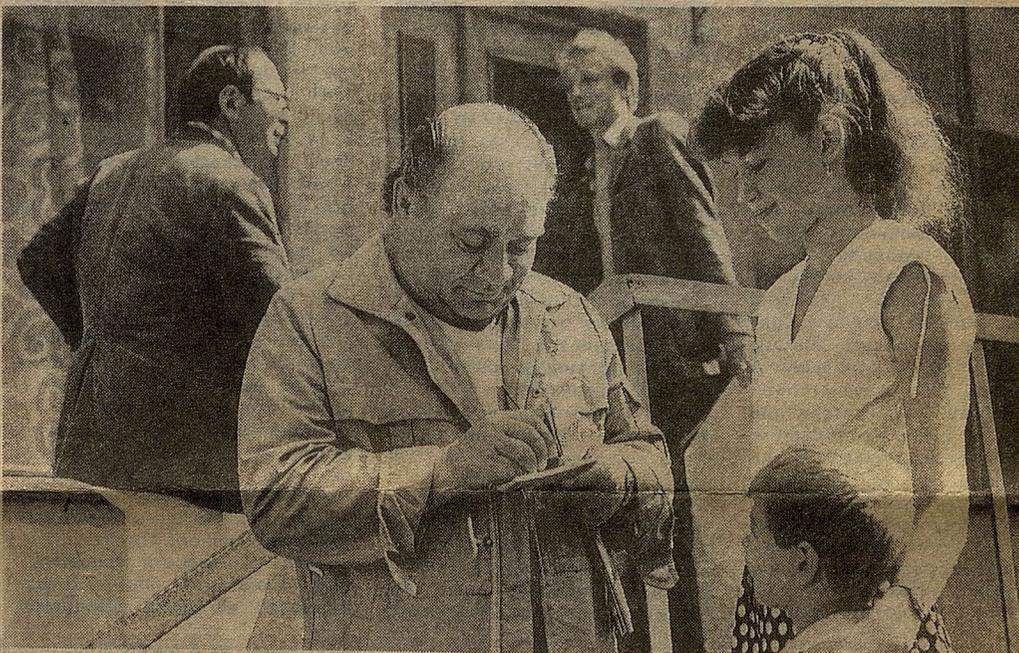
Евгений Леонов был великим русским комиком. А знаете, что такое русский комик? Это обязательно, непременно — еще и трагик, обязательно должна быть романтическая слеза, интонация трагедии. Помню, как мой учитель Андрей Михайлович Лобанов увещевал одного нашего известного комического актера: «По-

ра, дорогой мой, играть чувство, страдать пора. Иначе ты не русский комик, а итальянец». Он отнюдь не хотел обидеть итальянский театр, просто хорошо понимал природу театра русского — сердечную, одухотворенную, сострадательную. Женя Леонов был плоть от плоти дитя русской сцены. Последнее время, мне видится, будто он даже был внешне похож на Щепкина. Я бы рискнул даже выстроить ряд великих отечественных комиков, где Щепкин, Варламов, Давыдов, Яншин и Леонов.

Когда Н. Горчаков пригласил меня работать в Московский театр сатиры, первым моим порывом было взять с собой Леонова. Уже не знаю — разум ли, провидение ли, но что-то меня остановило от этого шага. И впоследствии понял, что был прав. Да, Леонов уже был к тому времени роскошным комедийным актером. Но там, в Театре сатиры, играли тогда замечательные комики Хенжин, Курихин, Лепко, Поль... Очень хорошие были актеры, но — другие, совсем другие. Женя, думаю, не прижился бы. Тогда же возникла мысль попробовать в Театре имени К. С. Станиславского. Мысль оказалась счастливой. Леонов прошел там под руководством М. Яншина прекрасную школу русского психологического театра и играл великолепно.

Но когда я возглавил Театр имени Вл. Маяковского, тут уж Женя был мой. И все повторилось сначала. Я летел на репетиции, я купался в его обаянии.

«Дети Ванюшина» были леоновским триумфом. Интересно, что первоначально эту роль должен был играть знаменитый

- На репетиции «Детей Ванюшина». 1969 г.
- «Бюрократ». Сатирический номер.
- Автографы — зрителям.

ВЕЛИКИЙ КОМИК

Свердли. А я задумал совсем другое решение, где была нужна принципиально иная актерская индивидуальность. Мне виделся трагифарс о том, как невежество и слабость духа губят семью. Я воображал, как бегают по сцене-дому беспомощный глава семьи и истошно кричит: «Свистать всех наверх!». Это мог сыграть только Женя. Ну и пришлось пойти на конфликт с ведущим актером театра. Дерзкое, конечно, было решение — я ведь только-только сел в кресло главного режиссера. Но дерзость моя оправдалась. Женя воплотил все мои надежды. И хотя в этом спектакле любимые мои актеры А. Лазарев, С. Немоляева, А. Ромашин, Т. Карпова и другие играли хорошо, решал все Леонов. После его ухода из театра я вынужден был снять спектакль. Замены быть не могло. Пробовал было уговорить на эту роль Бориса Равенских, казалось, он бы смог, но сорвалось. И, быть может, не случайно.

Вот почему начались мои с Леоновым режиссерские мытарства. Он к тому времени уже был нарахват в кино. А я терпеливо ждал его месяцами на репетиции. Не мог иначе, никого не хотел видеть в очередной роли, которая предназначалась ему. Был Санчо Панса в нашей версии великого романа Сервантеса в спектакле «Человек из Ламанчи». Женя вступил в соревнование с крупнейшими актерами мира, которые играли на сцене и на экране эту роль. Признаюсь, ничего подобного сыгранному Леоновым я не видел и не вижу до сих пор. Вот я и ждал его месяцами со съемок. Мое «руководящее» терпение закипело и в конце концов лопнуло. А тут еще происшествие, которое сегодня воспринимается чуть ли не как норма, а тогда было настоящим чп. На телеэкране появилась реклама рыбы нототении, которую обязательно подавал любимец пуб-

лики Евгений Леонов. Я взорвался. Собрал труппу и произнес речь, которую по отношению к самому себе никогда бы никому не простил. Дескать, костлявая рука голода совсем задушила Евгения Павловича. Скинемся, что ли, шапку по кругу, чтобы артист не пробавлялся нототенией. Конечно, Женя этого не простил. Мы расстались, он ушел в Театр имени Ленинского комсомола к Марку Захарову.

Горько все это вспомнить, хотя присутствовала в этом некая неизбежность. Удел «звезд» — нарушать театральный режим из-за киносъемок, удел руководителя театра — настаивать на этом режиме, ибо без него нет театра. Эта дилемма знакома всем главным режиссерам, имеющим счастье и несчастье держать в труппе крупных актеров-личностей. И все же горечь остается. Моя горечь от невозможной потери умножается еще и тем, что в тот конфликтный момент я утратил радость от сотворчества с Леоновым. Ведь мы вместе начинали и испытывали эту радость с первой встречи. Знаю, что и Женя испытывал нечто подобное, как бы ярко ни сложилась потом его карьера на сцене Ленкома.

Он очень остро чувствовал жизнь. Тяжело переживал в последние годы все, что творится со всеми нами. Его добродушная, веселая внешность скрывала целые пласты сложной духовной жизни. Он был значительно глубже и серьезнее, чем это могло показаться из его веселых киноопусов. Я понял это с самого начала. Как и Яншин, который бережно и скрупулезно ограничивал этот редкий алмаз.

Женя был трагическим комиком или комическим трагиком. Сокрушительная потеря для русского театра.

В издательстве «Искусство» при участии Московского театра Ленком готовится книга, посвященная жизни и творчеству Евгения Леонова.

Фото В. Чернова.

Фото из архива «Культуры».